

поминаний о концерте Ф. И. Шаляпина.

НЕ ПОМНЮ, аплодировал я или нет, когда Шаляпин вышел, но хорошо помню, что смотрел на него во все глаза, стараясь запомнить светлую шевелюру, обаятельную улыбку, блестящие вдохновением глаза, всю его богатырскую фигуру. В своих скупых движениях он был на редкость пластичен, даже изыщен. Каждый его жест врезался в память.

Зал гремел от оваций; сжав обе руки и протянув их к зрителям, Шаляпин приветствовал публику. Когда в зале воцарилась немая, наполненная ожида-

конца, и не раз слезы застилали глаза... Я был потрясен. Никогда раньше я не представлял себе, что можно так петь, такое сотворить со зрительным залом. Шаляпин пел много: романсы Римского - Корсакова, «Двойник» Шуберта, народные песни, из которых особенно завороживала печально - протяжная, как русские реки, «Прощай, радость» (он пел ее в обработке М. Слонова). Видимо, и Шаляпин очень любил эту песню, так как спел ее на всех четырех концертах, как и «Двойника», но в целом программы были весьма разнообразны. Никогда не забудется его исполнение «Сомнения» Глинки не только по изумительному богатству тембровых

КНИГА выдающегося оперного певца Сергея Яковлевича Лемешева «Путь к искусству» (М.: Искусство, 1982) привлекает глубоко личными интонациями, рассказом о пережитом и перечувствованном, идущем от сердца.

Вместе с тем эта книга — документ эпохи. На примере Лемешева можно убедиться, как тянулась рабоче - крестьянская молодежь к культуре, как счастливо зачастую складывалась судьба молодых талантливых людей из народа.

Как в сказке, сын батрака, мальчонка из сапожной мастерской становится солистом знаменитого оперного театра. Многие люди помогли ему в этом: учительница, руководившая школьной самодеятельностью в деревне, семья Квашниных, поселившая в нем мечту об опере, завклубом в Твери, командир кавалерийской школы, поспавший юношу на учебу в Московскую консерваторию, — все они заботливо растили его талант. А затем — Московская консерватория, известный певец и педагог Н. Г. Райский, Станиславский, Шаляпин, Собинов, Нежданова — словом, все лучшее, что наследовала страна от русской демократической культуры.

Чтобы более наглядно познакомить читателей с мемуарами певца, помещаем фрагмент вос-

КНИГА С. Я. ЛЕМЕШЕВА

нием чуда тишина, Шаляпин с изыщной небрежностью вскинул к глазам лорнет, взглянул в ноты, которые держал в левой руке, и произнес:

— Романс Чайковского «Ни слова, о друг мой».

Я даже вздрогнул от неожиданности: это самое «Ни слова, о друг мой» я слышал бесконечное количество раз на протяжении года в исполнении студентов, особенно студентов консерватории, певших его прескверно. Романс этот так мне надоед, что я рассердился и чуть не вслух сказал: «Нашел, с чего начинать, а еще Шаляпин!».

Но уже вступление, сыгранное Кенеманом, заставило меня прислушаться, когда же запел Шаляпин, я не узнал музыки, вернее, наоборот, впервые услышал ее. Он пел, а я вдруг почувствовал, что у меня зашевелились волосы и по телу побежали мурашки... Когда же Шаляпин дошел до фразы: «Что были дни ясного счастья, что этого счастья не стало», — из моих глаз вдруг выкатились две такие огромные слезы, что я услышал, как они шлепнулись на лацкан куртки. Этого мне никогда не забыть. Засмутившись, я закрыл лицо, стараясь скрыть волнение. Словно зачарованный, я просидел в ложе до самого

красок, драматизму слова — я забыл, что передо мной певец, я видел только безмерно страдающего человека, его душевную борьбу...

К концу концерта кто-то из слушателей амфитеатра, забыв о предупреждении ведущего, выкрикнул: «Блоху!» Шаляпин медленно, с каким-то неподражаемым величием перевел свой взгляд на верхнюю ложу, рядом с портретом Глинки, и долго смотрел туда — пауза была так напряжена, что публика замерла в ожидании скандала. И вдруг артист стал улыбаться все шире и шире. Зал всплеснулся от аплодисментов. И тогда Шаляпин сказал очень коротко:

— Ну так, «Блоха».

После этого номера уже со всех сторон посыпались заказы, которые Шаляпин охотно выполнял.

Так прощался Шаляпин — еще не зная, что навсегда, — с выпестовавшей его Москвой, с московской публикой, первой признавшей его гений. Он уехал из России, долгое время мечтал вернуться, но так и провел весь остаток жизни, целых шестнадцать лет, скитаясь по всему земному шару и втайне тоскуя по русской земле, русскому театру и русской публике...